

Маргарита МЫСЛЯКОВА,
поэт, педагог,
кандидат филологических наук
(г. Запорожье)

О КНИГЕ СЕРГЕЯ ШЕЛКОВОГО «НЕБЕСНАЯ МЕХАНИКА»

Давно принято считать, что определяющие черты большой поэзии — её духовная и философская значимость и отклик на запросы современности. С этой точки зрения книга харьковского поэта Сергея Шелкового «Небесная механика» воспринимается как заметное явление в русской литературе XXI века, поскольку автору удастся справиться с универсальной сверхзадачей — дать синтез духовной, философской, исторической и социальной проблематики.

Важнейшим книгообразующим фактором становится в «Небесной механике» антитеза «убойного века» и вечных, непреходящих ценностей. Поэзия с таким содержанием, в этом я убеждена, всегда встретит сопереживание и понимание, поскольку внимательный читатель-современник наверняка найдёт здесь размышления и впечатления, родственные его собственным.

Через всю книгу проходит лейтмотивом ощущение нынешнего «смутного времени» с его бездуховной, торгашеской психологией («невнятное торжище-столпотворенье в полдень базарный на выслуге лет нам досталось», «всевластвует сброд торгашей», «печенье, что из Харькова в Гезлёв привез торгаш, что, будто ксерокс, скучен»), с обворовыванием народа («правда вора визнет на зубах», «олигарховы сны громоздятся награбленной утварью», процветают «банкиры-вампиры», «на дворе, что ни день, то дефолт, то похмелье — одичанье во лжи, беспредел в грабеже»), с духовным убожеством власти, когда приходится «зреть в упор, как ничтожен вождь», с ужасающей экологией («чадит Чернобыль-сталкер за плечами»), с политическими распрями («по телевизору грызутся славянофилы, люди-братья»), с засилием преступности («на «Хаммере» к нам подгребли чикатилы, братаны с центровой Венерой в мехах»), с низким уровнем культуры («рожденный ползать множит шоу, рекламные моноспектакли») и т. д.

Явления современности нередко даются крупным планом с использованием мифологических («глобальный Голем рот разинул гулкий») и библейских («который век скрипит про то скрижалъ, как Хам бесчестит Ноя-аксакала») ассоциаций, что сообщает им дополнительную символичность. Нужна ли сейчас такая поэзия? Безусловно! Остаётся только пожалеть, что книги, подобные «Небесной механике», в силу разных причин не могут издаваться многотысячными тиражами, в том числе и по той причине, что наша реальность описана здесь не примитивно, не плакатно, но правдиво и зримо, объёмно и конкретно, во всей полноте её сложности, а, следовательно, обращена к интеллектуально подготовленному, мыслящему читателю.

В этих стихах узнаваемы и «пролетарий... под одеялом, под пальто поверх прорех и ключев драной ваты», и «мэн с пирсингом», и бизнесмен, которому «удобно в «Мерсе» за бронёю»... Кажалось бы, такие произведения, содержащие открытый приговор трудному времени, должны звучать безысходно-пессимистично, но в книге этого не происходит, поскольку одновременно с фиксацией зловещих черт эпохи проявляется стоическая позиция автора, его отважное стремление «выжить в кораблекрушенье», «прожить с достоинством простым, без громких плачей».

Более того, в «Небесной механике» с первых же страниц чётко просматривается духовная альтернатива современной моральной деградации общества. Не случайно первый раздел книги получает название «День-подлинник», и в нём обнаруживается уникальное авторское чувство природы, настолько прирожденное и так мастерски передаваемое, что невольно вспоминаешь и есенинскую, и пастернаковскую традиции.

Общение с природой также становится одной из ведущих тем книги. Здесь присутствуют, в частности, очень живописные, отличающиеся высокой поэтичностью крымские пейзажи («Над Партенитской бухтой», «Ночь в Феодосии», «Евпатория» и множество других текстов). Чувствуется, что природа становится для автора надёжным убежищем от «подло-неизбежного века»:

*И, как ветер с Босфора, хорош
первый день новых, Кафа, каникул,
где начхать мне на нищенства грош
и на притчи порочных Калигул.
Всё бродить бы по склонам твоим,
до утра, до рассветного дыма,*

*целя дальше — в Эски-Кыырым,
в захолустие Старого Крыма.*

Более того, общение с природой — естественный повод к осознанию величия Божественного замысла мира:

*Но тугая вода, но первичного лона стихия,
где и вволю грешил, и смывать порывался грехи я!
И для взора просторного, и для широкого вдоха —
хорошо! Яко Кормчий сказал — хорошо, а не плохо!*

Отношение к природе — автобиографично. Важный для книги мотив «июнь-июльской» гармонии явно вызревает в глубине всего предшествующего по времени творчества. В истории литературы встречается целесообразное, на мой взгляд, деление на «ночных» и «дневных» поэтов. Немало написано и о временах года — скажем, в произведениях русских классиков. И если рассматривать доминанту лирики художников слова как «осеннюю» или «летнюю», то получается, что Сергей Шелковый — ярко выраженный «летний» поэт («июльский я фрукт и согреться могу только летом», «серёжки черешен и пригоршни песен на июльской ладони мне жадина-жизнь подносила», «мы с тобой — соратники и острокрылым стаям, и тонким дням июньской белизны», «август — таврическое божоле», «в середине августа жёлт инжир, ибо лето красно, как рай-эдем»), хотя, скажем, и «серятину-зиму» в «Небесной механике» можно увидеть волшеббно преображённой («снегиря подоспел оберег красной маркой на белую почту», «снежной Библии свеж переплёт»), и весенняя живопись вполне подвластна перу поэта (стихотворения «Рыжий кот и пара воробышек...», «Апрельский воздух клены овевает...» и др.). Но именно с летними днями связаны самые глубокие переживания, поскольку время рождения автора приходится на июль (об этом, в частности, — стихотворение «21 июля 2008 г.»).

Мне очень понравились стихи-воспоминания о детстве и семье, насыщающие раздел «Кленовые цветы», потому что память о своих семейных корнях важна для лирического героя не только сама по себе, но ещё и как необходимая и естественная духовная опора («но, буду ль я неплюх в пристойном деле, негромко вспомню вас, мой строгий род»). Они, эти стихи, звучат особенно пронзительно и лирично («На Азове», «Калашник, Стечкин и Емеля с печки...» и другие стихотворения).

Отдельной темой для раздумий могут стать стихотворения, посвященные христианским праздникам или содержащие упоминания о них. Автору, к счастью, не свойственна современная поверхностная набожность. Подлинная, прочувствованная религиозность реализуется для него прежде всего в стремлении к Добру и Красоте («ты... на то и жив, чтоб длился, лучезарен, Казанской Богородицы формат — прощения и милосердия взгляд», «а Твоя Мария, красота — хлеб душе и подлинная пища для доски иконной и холста», «славно жить — до последней растраты! — в си-нем колере Духа и Сына»). Особенно близок моему сердцу молитвенный настрой лирического героя в ряде стихотворений («нет, не меня, Отец, но чадо-завязь помилуй — почвы ног Твоих касаюсь — прости за сорока колен грехи», «простите мне, о ком не помолился или молился менее, чем мог...»).

Уникальной, также автобиографически обусловленной, чертой является энциклопедичность «Небесной механики», описание-оживление в ней разных стран и городов, передача их неповторимого духа и колорита. Не случайно многочисленные путешествия лирического героя во времени и в пространстве перешли в данный поэтический сборник отчасти и из предшествующей книги стихотворений Сергея Шелкового с примечательным философским названием «Эон».

Мир образов, создаваемых в «Небесной механике», приводится в движение всевластием метафоры. Метафора здесь не просто главный троп, она — естественный, как дыхание, способ художественного видения, открывающий широкие горизонты для художественного уподобления одних предметов другим: «турецких лилий огненные рюмки на стеблях засыпают утомленных», «прячется солнце дворнягой в терновые кущи», «крестиком цветка медовый Спас божится», «золотых тутовников мажоры, опадая, на уступах спят», «набил снеговой буерака мошну», «ворона сканер нас во поле диком найдёт», «ясно-зимний Гурзуф — самоцвет на вынос» — примеры цитирую во множестве, дабы продемонстрировать изысканность этих порождений поэтического воображения. Характерными чертами метафоры в сборнике становятся её развернутость, поэтическая свежесть, оригинальность и богатство образного ряда, создающие неповторимую художественную манеру Сергея Шелкового. Хотелось бы также отметить лёгкость и пластику стиха как яркую отличительную особенность всех произведений книги. В своем творчестве Сергей Шелковый постоянно пользуется приёмом звукописи. Звукопись, как извест-

но, — это подбор звуков в стихотворной речи, имеющий художественно-выразительное значение в соотношении с содержанием текста. Когда перелистываешь «Небесную механику», практически в каждом (!) стихотворении встречаешь использование приема аллитерации — повторения в строчках одинаковых согласных звуков: «Рыжий кот и паРа воРобышек / населяют жаРкий майский двоРик», «И в отроческий незабВенный лоВ/ Вернуться Вновь, запальчиВо, Влюблено», «КЛадбища Лысой Горы и приЛавки БЛажбаза», «Выпал же фаРт побРататься с сестРой-стРекозою, с высью, котоРую надвое Рвет астеРоид», «Как ставлеН-Никам Неба, а Не сцеНы/ двум итальяНцам я, призНаюсь, рад», «ЛьВиным зеВом зеВает июЛЬ», «ГЛиняный ГоЛеМ хоЛМов» и множество других примеров.

Аллитерации настолько часты и разнообразны, что дают все основания говорить об абсолютном поэтическом слухе автора, рождающем великолепную музыку, совершенную мелодику речи. Конечно же, Сергею Шелковому свойственны врожденная любовь к языку, поэтическое обожествление языка, сходное с тем, какое декларировалось Иосифом Бродским. И на примере изысканной звукописи «Небесной механики» мы видим, что язык отвечает поэту взаимностью, превращаясь под его пером в послушный материал для лепки строк. При этом аллитерации ни в коей мере не являются чисто формальными изысками, они лишь служат автору для выражения определенного содержания, для подчеркивания смыслового аспекта текстов, который у Сергея Шелкового всегда является первичным.

Есть ещё одна уникальная, не имеющая в современной поэзии аналогов, черта поэтического языка С. Шелкового, проявившаяся как в «Небесной механике», так и в других его книгах стихов. Это настойчивое введение в тексты сцепок слов, сходных по звучанию, которые порождаются богатством лингвистических ассоциаций поэта. Приведу наиболее яркие примеры таких необычных сближений разных лексем: «конник бездорожья, конунг, Кинг», «ёрник-Йорик», «козья коза-ностра», «ворон-ворог», «понты-пуанты», «между сервером и севером», «сума ль — сумма», «летит над тёплой мальвою малява, малой себе, Мальвинушка, малюй» и др.

Что особенно важно отметить, перед нами не игра слов и не каламбуры, не чисто формальные изыски, какие встречаются в современной авангардистской поэзии, а нечто гораздо более серьезное — при отважном погружении поэта в стихию языка намёк на существование глубинной, исконной, праязыковой связи между

основами этих слов, в современном языке живущих уже как обособленные лексические единицы, утратившие связь с первоисточниками. Сергей Шелковый же выполняет уникальную миссию — он эту связь пытается воскресить, сделать её по возможности наиболее наглядной. Свободное владение поэта несколькими европейскими языками позволяет сближать слова из разных языков, наводя тем самым читателя на мысль об их общем предке.

«Небесная механика» — лишь один из многочисленных стихотворных сборников поэта, но книга эта важна и примечательна тем, что ярко и выпукло обозначает те направления творческих поисков Сергея Шелкового, которые продолжают реализовываться и в новых его стихах. Богатство содержания и отточенность формы — вот качества, которые отличают поэзию этого зрелого мастера.

Именно он, поэт Сергей Шелковый, является, на мой взгляд, одной из самых значительных творческих личностей современности, демонстрируя новые возможности искусства стихосложения, уверенно продвигаясь навстречу будущему, работая интенсивно и неустанно, радостно и плодотворно.

2011 г.